

УДК 82.0

ПЕРВЫЙ ОБРАЗЕЦ ВЕЛИКОГО РОМАНА («ИСТОРИЯ КАВАЛЕРА ДЕ ГРИЕ И МАНОН ЛЕСКО»)

В.В. СИЛИН,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 295007, Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4, тел. +7 978 744 60 71, e-mail: vlsilin@yandex.ru

Аннотация

Силин В.В. Первый образец великого романа («История кавалера де Грие и Манон Леско»).

В статье поставлена цель – выяснить, почему В.В. Кожинов назвал романа Антуана Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско» «первым образцом великого романа». Сам Кожинов полагал, что этот роман Антуана Прево близок современному роману тем, что в нем равномерно сочетается событийность и психологизм, то есть в нем отсутствует «перекосяк» как в сторону приключений, свойственных рыцарскому и плутовскому роману, так и в сторону переживаний, присущих сентиментальному роману. Другой особенностью является открытие аббатом Прево иррационального психологизма, который проявляется в иррациональных поступках героев, так как они руководствуются не разумным расчетом, а сердечными порывами. Кроме того, роман Прево написан в популярной с начала XX века форме монолога главного героя, который подходит для искреннего описания его интимных переживаний. Помимо отмеченных признаков, в «Истории кавалера де Грие и Манон Леско» выявляется «большой диалог» М. М. Бахтина, так как герой произведения олицетворяет собой универсальный конфликт идей в виде альтернативы, в которой разумному расчету равноправно противопоставлена страстная любовь. «Большой диалог» превратил роман Прево в сложное интеллектуальное произведение, несмотря на то, что автор задумывал свой роман как монологическое морализаторское произведение.

Ключевые слова: иррациональный психологизм, морализаторство, диалогизм.

Summary

Silin V.V. First Example of a Great Novel («Histoire du Chevalier des Grioux et de Manon Lescaut»)

The article set a goal – to find out why V.V. Kozhinov called the novel of Antoine Prevost «Manon Lescaut» «first example of a great novel». Kozhinov himself believed

that this novel of Prevost is close to the modern novel because it equivalently matches events and psychology, it means that there is no «bias» in the direction of adventure inherent in the romance and picaresque novel, and in the direction of psychology inherent in the sentimental novel. Another feature is the discovery by the abbot Prevost of irrational psychology which manifests itself in irrational actions of the characters, as they are not guided by rational purposes, but by their sentimental intentions. In addition, the Prevost novel is written in form of a monologue of the protagonist, which is suitable for its frank descriptions of intimate experiences, that became popular since the beginning of the XX century. Beyond the mentioned features, you can reveal in «Manon Lescaut» the «big dialogue» of M. M. Bakhtin because the hero of the novel personifies a universal conflict of ideas in form of an alternative in which the rational purpose is equivalently opposed to the passionate love. The «big dialogue» turned the novel of Prevost into a complex intellectual work despite of the fact that the author conceived his novel as a monologue moralizing work.

Keywords: irrational psychology, moralizing, dialogism.

XVIII век ознаменовался в литературе появлением *психологизма*, открытие которого обычно приписывают английскому писателю Сэмюэлю Ричардсону, автору романов «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740), «Кларисса, или История молодой леди» (1748), «История сэра Чарльза Грандиссона» (1753). Эти романы, и особенно «Кларисса», стали необычайно популярны, они способствовали формированию в конце века *сентиментализма*, отсчет которого идет от незавершенного романа Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768), и созданию таких шедевров, как «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) Жан-Жака Руссо и «Страдания юного Вертера» Гёте (1774). Читательский интерес был вызван открытием доселе неопищенного большого мира человеческих переживаний. По определению О.Б. Золотухиной, художественный психологизм это – «художественно-образная, изобразительно-выразительная реконструкция и актуализация внутренней жизни человека, обусловленные ценностной ориентацией автора, его представлениями о личности и коммуникативной стратегией» [4, с. 12]. Кроме того, поскольку романы Ричардсона были *эпистолярными*, то интерес к ним подогревался любопытством: публике нравилось читать чужие письма, постигая интимные переживания героев.

Тем не менее, первооткрывателем психологизма стал французский писатель аббат Антуан Франсуа Прево (1697-1763), автор романа «История кавалера де Грие и Манон Леско», опубликованного в 1731 году [7]. Соответственно, в статье поставлена цель –

определить все литературные достоинства романа которые позволили В.В. Кожинovu охарактеризовать это произведение как «первый образец великого романа» [5, с. 120].

Главной особенностью романа аббата Прево является то, что его психологизм – *иррациональный*. По свидетельству В.Р. Гриба, «Прево первый в XVIII веке открыл «иррациональную», необъяснимую, с точки зрения буржуазного рассудка, сторону новой психологии» [3, с. 282]. Иррациональность психологии человека проявляется в его «неправильных», в глазах общественного мнения, поступках, когда он руководствуется сердечными порывами, а не разумным расчетом. Значение открытия Прево особенно очевидно, если сравнить его роман с романом Ричардсона «Памела». Героиня этого романа, беззащитная девушка, подвергается домогательствам знатного вельможи. Она отвергает ухаживания этого молодого человека, противостоит угрозам и провокациям, хотя втайне влюблена в него. В конце концов, вельможа, покоренный добродетелью девушки, женится на ней.

Сразу же после выхода этого романа появились пародии, в которых Памела представлена хитрой и расчетливой. Своей фальшивой добродетелью она, якобы, заставила знатного человека взять ее в жены. Такие пародии стали возможны, потому что психологизм Ричардсона *рациональный*, а следовательно, допускающий разумный расчет и выгоду. Однако де Грие и Манон невозможно заподозрить в корысти и неискренности, так как иррациональный психологизм делает героев *противоречивыми*.

Об этом пишет сам Прево в небольшом предисловии, названном «Предуведомление автора», представляя де Грие как «характер двойственный, смешение добродетелей и пороков, вечное противоборство добрых побуждений и дурных поступков» [7, с. 28]. До знакомства с Манон де Грие предстает морально чистым семнадцатилетним юношей, который старательно изучал в Амьене курс философских наук: «Я вел жизнь столь разумную и скромную, что учителя ставили меня в пример всему коллежу. Притом я не делал никаких особых усилий, чтобы заслужить сию похвалу; но, обладая от природы характером мягким и спокойным, я учился охотно и с прилежанием, и мне вменялось в заслугу то, что было лишь следствием естественного отвращения к пороку» [7, с.

34]. Любовная связь с Манон в одно мгновение сделала де Грие порочным, так как ради добывания денег на содержание любовницы он стал мошенником и карточным шулером. В деньгах он видел залог прочности ее любви: «Я достаточно изучил Манон; я знал по горькому опыту, что, как бы она ни была верна и привязана ко мне, когда судьба нам улыбалась, нельзя рассчитывать на нее в беде. Она слишком любит роскошь и удовольствия, чтобы пожертвовать ими ради меня» [7, с. 55].

Как отмечал Ю.Б. Виппер, «путь де Грие к любви и счастью преграждают прежде всего деньги» [2, с. 10]. С целью развития этой темы деньги героя время от времени пропадают: первый раз они исчезли во время пожара в доме, второй раз их украли камердинер и горничная. Прево, очевидно, специально ввел в сюжет эти несчастья, так как Манон не была мотовкой, не требовала у де Грие денег, а, напротив, стремилась сама их добыть, пусть даже нечестным путем. И де Грие хорошо понимал, что его возлюбленная не жаждала богатства, характеризуя ее следующим образом: «Манон обладала удивительным нравом. Ни одна девица не была так мало привязана к деньгам, как она; но она теряла спокойствие, едва только возникало опасение, что их может не хватить. Она жила удовольствиями и развлечениями, но не позарилась бы ни на какие деньги, если можно было веселиться даром» [7, с. 59]. Эту черту девушки отмечает также Виппер: «Душевная чистота не вытравлена из сознания Манон. Подчиняясь и подражая нравам, которые она наблюдает вокруг себя, она вместе с тем не заражается духом стяжательства. Она не стремится к деньгам ради денег» [2, с. 13].

Противоречивость героев делает их независимыми и непредсказуемыми. На этот факт обратил внимание Кожин, который отметил, что в романе Прево «едва ли не впервые создается органическое «саморазвивающееся» движение повествования», и добавил, что «из свидетельств многих позднейших романистов – Гёте, Пушкина, Флобера, Толстого и др. – известно, что они «не знали» заранее итогов душевного развития и решающих действий своих героев» [5, с. 120]. Действительно, стремясь раскрыть «диалектику души» своих противоречивых героев в романе «Война и мир», Толстой, очевидно, понимал, что они не могут быть выразителями его идей, и поэтому создал образ героя-мудреца Платона

Каратаева, излагающего его евангелическую теорию. Именно это явление охарактеризовал Ленин в своей статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1905), когда написал о великом писателе такие слова: «С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; - с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии» [6, с. 222]. Под «трезвым реализмом» здесь явно подразумеваются независимые герои, а «гнусные вещи» имеют отношение к проповеди Платона Каратаева.

Важным достоинством романа «Манон Леско» Кожинов считал равномерное сочетание психологизма с событийностью, благодаря чему в нем отсутствует «перекосяк» как в сторону приключений, свойственных рыцарскому и плутовскому роману, так и в сторону переживаний, присущих сентиментальному роману. Психологизм в романе Прево выражен темой любви, событийность – темой добывания денег. Сочетание темы любви и темы денег, то есть духовного и материального, является своеобразной чертой романа «Манон Леско», которую отмечает Виппер: «Новаторское достижение Прево-художника заключалось прежде всего в том, что он сочетал в единое органическое целое проникновенность психологического анализа и достоверность в изображении бытовых и материальных условий существования своих героев (при этом ни одно из этих начал не подавляет другого: оба они гармонично уравновешены в «Манон Леско»). Душевные страдания людей и их повседневные заботы о деньгах оказались в романе Прево связанными воедино. До него эти два начала были обычно разобщены» [2, с. 9].

Психологизм «очеловечивает» героев, превращая их из персонажей, бездумно совершающих поступки, в чувствующих и переживающих личностей и даже объясняет глубинные причины их поступков. Однако обширное описание переживаний приостанавливает ход событий и делает произведение нединамичным и скучным. Таким недостатком обладали, в частности, романы Ричардсона. Недаром Пушкин написал в «Евгении Онегине»: «И бесподобный Грандиссон, который нам наводит сон». Очевидно, поэтому пропорциональное сочетание событийности и психологизма, открытое аббатом Прево, стало практически нормой в современной литературе.

Немаловажной особенностью психологизма Прево является повествование от первого лица, которое стало очень популярным, благодаря своей искренности, только с начала XX века и способствовало появлению повествования в форме внутреннего монолога, например, «В поисках утраченного времени» (1913 – 1927) Марселя Пруста, и «потока сознания», как в «Улиссе» (1921) Джеймса Джойса. В романе «Манон Леско» де Грие рассказывает свою историю некому путешественнику, олицетворяющему автора, который воспроизводит слово в слово все, что рассказал герой. Таким повествованием Прево опережал свою эпоху, поскольку первые психологические романы были эпистолярными. Письма являлись в то время простым и привычным способом воспроизведения интимных переживаний, которыми можно было поделиться с близким человеком.

Аббат Прево, по всей очевидности, не понимал значения открытого им иррационального психологизма. Он задумывал свой роман как нравоучительное произведение. На примере благородного кавалера де Грие он просто хотел дать урок другим благородным молодым людям, чтобы они не связывали свою судьбу с такими недостойными женщинами, как Манон Леско, однако де Грие не воспринимается явно положительным героем, а Манон – совершенно отрицательным, поэтому роман Прево чаще всего трактуют как красивую историю страстной любви двух молодых людей, которые пренебрегли законами общественной морали ради собственного счастья. Однако этот роман является более сложным, так как в нем выявляются признаки «большого диалога» М.М. Бахтина [1, с. 25, 158]. *Равноправие* идей в «большом диалоге» достигается путем создания *моральной неопределенности* героя, который персонифицирует идеи [8, с. 296]. Морально неопределенным героя романа Прево сделал открытый им иррациональный психологизм. Моральная неопределенность де Грие проявляется в духовном и материальном. Любовь к Манон, возвышенное чувство, характеризует де Грие, вроде бы, положительно. Однако эта любовь также компрометирует героя в глазах общества, так как он влюблен в порочную девушку. Как отмечает Виппер, его любовь к Манон одновременно «источник присущих ему слабостей» и «источник его силы» [2, с. 13–14]. Добывание денег нечестным

путем мотивировано стремлением устранить социальную несправедливость, неприятие которой ясно выражено в словах де Грие, обращенных к Манон: «Почему не наделены мы от рождения свойствами, соответствующими нашей злой доле? Мы одарены умом, вкусом, чувствительностью; увы, сколь печальное применение мы им находим, в то время как столько душ, низких и подлых, наслаждаются всеми милостями судьбы!» [7, с. 119]. Пытаясь оправдаться перед отцом, де Грие ссылается на поведение видных представителей общества: «Я живу с любовницей, – говорил я, – не будучи обвенчан с нею: герцог такой-то содержит двух на глазах всего Парижа; господин такой-то целых десять лет имеет любовницу, которой верен более, нежели жене. Две трети знатных людей Франции за честь почитают иметь любовниц. Я плутовал в игре: маркиз такой-то и граф такой-то не имеют иных источников дохода; князь такой-то и герцог такой-то стоят во главе шайки рыцарей того же ордена» [7, с. 122]. Отмеченные де Грие факты не могут, конечно, служить оправданием его поступков, они лишь указывают на социальную несправедливость, поскольку героя преследуют и осуждают еще более порочные люди, чем он. Его преступления являются способом устранения несправедливости и предстают формой морального самопожертвования ради любимой девушки, ради ее благополучия и спокойствия. По этому поводу Виппер отмечал: «В то время, как всемогущие противники де Грие оказываются отъявленными эгоистами, кавалер один способен на самопожертвование» [2, с. 14].

В целом моральная неопределенность героя романа «Манон Леско» основана на двойственности этого образа: с одной стороны, он напоминает смелого и находчивого героя плутовских романов, который обманывает только плохих людей, таких как сластолюбец де Г... М... и его сын, которые хотели купить любовь Манон; с другой стороны, он похож на героя сентиментальных романов, который испытывает самые возвышенные чувства, но проявляет слабость характера. Де Грие, например, согласен с Тибержем, который понял, что в его «распущенности более слабости, нежели злой воли» [7, с. 79]. Указание на двойственность героя «Манон Леско» можно отметить у Виппера, когда он пишет, что у Прево «носителем поэтического начала оказываются не верхи общества,

а представители его деклассированных, «плутовских» низов. Именно они в «Манон Леско» обладают сложным внутренним миром, им доступны глубокие трагические переживания» [2, с. 9–10].

Вместе с тем, де Грие – *сомневающийся* герой. Сомнение героя необходимо, когда герой *один* персонифицирует равноправно противопоставленные идеи [8, с. 301]. Сомнения проявляются в попытках де Грие избавиться от любовного наваждения. Например, после измены Манон и под влиянием спасительных речей своего друга Тибержа он хочет отказаться от беспутной жизни: «Я буду вести жизнь мудрую и христианскую, – говорил я, – посвящу себя науке и религии, что не позволит мне помышлять об опасных любовных утехах. Я буду презирать то, что обычно восхищает людей; и, раз я чувствую, что сердце мое будет стремиться лишь к тому, что представляется ему достойным, у меня будет столь же мало забот, сколь и желаний» [7, с. 48]. Он поступил в семинарию Сен-Сюльпис и стал прилежно учиться, но, снова встретив Манон, отказался от духовной карьеры: «Все, что говорится в семинарии о свободе воли – пустая химера. Ради тебя я погублю и свое состояние, и доброе имя, предвижу это; читаю судьбу свою в твоих прекрасных глазах; но разве мыслимо сожалеть об утраках, утешаясь твоей любовью!» [7, с. 51]. Иногда де Грие пытается исправиться: «Так отмечаю я разные случаи, когда в сердце мое возвращалось стремление к добру, ибо этим минутам обязан я был впоследствии известною долей той силы, с какою переносил самые горестные испытания своей жизни» [7, с. 62]. Он самокритично характеризует свои поступки. Например, в тюрьме Сен-Лазар он так оценивает свое примерное поведение в присутствии исповедника: «Должен признаться, к стыду своему, что в Сен-Лазаре я играл роль лицемера» [7, с. 73].

В романе «Манон Леско» моральная неопределенность сомневающегося героя согласуется с идейным конфликтом произведения, который можно выразить *альтернативой*: стоит ли жертвовать всем ради любви, или не стоит. Этот конфликт ясно сформулирован самим де Грие в его беседе с Тибержем: «Можете ли вы утверждать, что то, что вы называете блаженством добродетели, свободно от страданий, невзгод и волнений? Как назовете вы тюрьму, крест, казни и пытки тиранов? Скажете ли вы, вместе с мисти-

ками, что мучения телесные – блаженство для души? Вы не дерзнете так говорить; это – недоказуемый парадокс» [7, с. 77]. И далее: «Я люблю Манон; я стремлюсь через множество страданий к жизни счастливой и спокойной подле нее. Горестен путь, которым я иду, но надежда достигнуть желаемой цели смягчает его трудности, и я сочту себя с избытком вознагражденным одним мгновением, проведенным с Манон, за все печали, испытанные ради нее. Итак, все обстоятельства с вашей и с моей стороны представляются мне одинаковыми; или, если уж есть какая-либо разница, то к моему преимуществу, ибо блаженство, на которое я надеюсь, близко, а ваше – удалено; мое блаженство той же природы, что и страдания, то есть понятно земному человеку; природа же вашего неизвестна, и принимать его можно только на веру» [7, с. 77-78]. Слова героя означают, что он считает любовь и веру равноправными, так как ставит на один уровень страдания ради земного блаженства и страдания ради блаженства неземного. Хотя, поскольку герой является сомневающейся личностью, он тут же соглашается с Тибержем, что его представление является вольнодумным и кощунственным. Таким образом, он предстает *идеологом*, персонифицирующим универсальный моральный конфликт, сформулированный в романе самим автором: «Размышляя о нравственных правилах, нельзя ни удивляться, видя, как люди в одно и то же время и уважают и пренебрегают ими; задаешься вопросом, в чем причина того странного свойства человеческого сердца, что увлекаясь идеями добра и совершенства, оно на деле удаляется от них» [7, с. 28]. И Прево предполагает, что «именно потому, что нравственные правила являются лишь неопределенными и общими принципами, весьма трудно бывает применить их к отдельным характерам и поступкам» [7, с. 28].

«Большой диалог» романа Прево является *полифоническим*, поскольку идейный конфликт обсуждается не только с Тибержем, который персонифицирует христианскую добродетель, и с Манон, олицетворяющей порочное блаженство, но и со сластолюбцем де Г...М..., который высказал свое понимание конфликта, заявив, что «человеку по слабости его разрешаются некоторые наслаждения, коих требует природа, но что мошеннические, бесчестные]проделки заслуживают сурового наказания» [7, с. 74]. Представлено

отношение к конфликту отца героя, который отказался добиваться освобождения Манон, считая ее главной виновницей морального разложения сына. Мнение отца разделял, очевидно, брат героя, который приехал за ним с тремя лакеями, чтобы увезти его в родительский дом. С сочувствием к любви де Грие относится де Т., который оказывает ему всевозможную помощь. Помогает также брат Манон, который, напротив, своей помощью все больше затягивает героя в пропасть порока. Выражает свое мнение и автор, которому де Грие рассказывает свою печальную историю. Он сочувствует герою, но осуждает, считая, что его трагическая судьба должна послужить назиданием для других молодых людей.

Тем не менее, на последней странице романа устраняется *незавершенность* героя и конфликт решается, что не допустимо в «большом диалоге» [1, с. 15; 8, с. 297–298]. Проявляется это буквально в одной фразе, сказанной Тибержу: «Я рассказал ему все, что случилось со мною после отъезда из Франции, и дабы порадовать его неожиданностью, сообщил, что семена добродетели, брошенные некогда им в мое сердце, начали приносить плоды, которые должны удовлетворить его» [7, с. 145]. Это означает, что де Грие сожалеет о своей любви к Манон, которая принесла ему много страданий, и выбирает путь христианской добродетели. Подобную мысль де Грие выразил также в начале своего рассказа, характеризуя Тибержа: «Если бы следовал я тогда его советам, я бы всегда был мудр и счастлив. Если бы я внял его увещаниям, хотя бы из глубины бездны, куда увлекали меня страсти, я спас бы что-нибудь при крушении моего состояния и доброго имени» [7, с. 34]. Но эта фраза еще не указывала на развязку, так как была произнесена до изложения истории. Такая развязка, конечно, соответствует морализаторской задумке Прево, изложенной им в «Предупреждении»: «Каждое событие, здесь излагаемое, есть луч света, назидание, заменяющее опыт; каждый эпизод есть образец нравственного поведения; остается лишь применить все это к обстоятельствам своей собственной жизни. Произведение в целом представляет собою нравственный трактат, изложенный в виде занимательного рассказа» [7, с. 29]. Однако «большой диалог» настолько ограничен и четок в романе, что его финал не делает произведение монологическим, так как трудно представить, что

де Грие так легко отрекается от своей любимой Манон после ее смерти, обещает Тибержу вести добродетельный образ жизни, и направляется навестить брата. Речь идет, как будто, о другом человеке.

Поскольку «Манон Леско» является диалогическим произведением, то в его монологических интерпретациях неизбежно обнаруживаются противоречия. Например, в толковании Виппера конфликт романа персонифицируют только два персонажа – де Грие и Тиберж, а Манон исключена: «Носителем утверждаемых религией этических принципов выступает в романе Тиберж, верный друг кавалера. В психологически сложном и по-своему трогательном облике Тибержа есть черты, которые роднят его с де Грие. Если кавалер – жертва фатальной власти любви, то жизнь Тибержа – пример всепоглощающей силы дружбы. Прево как бы ставит своей книгой вопрос: кто же человечнее – Тиберж, с его аскетическим пониманием долга и морали, с его нравоучительством, невозмутимым спокойствием, молитвами и монастырским затворничеством, или грешный де Грие, с его страданиями, нищетой, преступлениями, его печальной судьбой и безграничной любовью?» [2, с. 12]. Данной трактовке конфликта совершенно не соответствует образ де Грие как сомневающегося героя, который, то прислушивается к морализаторским речам Тибержа и пытается исправиться, то всецело отдает себя во власть любви к Манон. Одна из характеристик героев, представленная Виппером, даже противоречит его собственному толкованию конфликта: «Герои развиваются, борясь не только с окружением, но и сами с собой (в этом их принципиальное отличие от персонажей плутовского романа). В их сознании сталкиваются чуждые друг друга начала» [2, с. 12–13]. Именно столкновение «чуждых друг друга начал» проявляется у де Грие в виде колебания между добродетельным образом жизни и порочной любовью. Именно в этом заключается диалогический конфликт романа «Манон Леско». Поэтому сформулированную Виппером идею этого романа следует признать произвольной, так как она игнорирует диалогический конфликт.

Таким образом, «Историю кавалера де Грие и Манон Леско» действительно следует признать «первым образцом великого романа», так как новаторские открытия, сделанные Антуаном Прево

в XVIII веке, предвосхитили развитие современного романа. К таким открытиям относится иррациональный психологизм, который ввел в литературный обиход тайную чувственную жизнь человека; повествование от первого лица, которое хорошо подходит для раскрытия иррациональных поступков героев; пропорциональное «равновесие» между освещением событий и описанием переживаний героев. Кроме того, в романе обнаружился признак «большого диалога», подобный тем, которые были описаны М. М. Бахтиным в отношении полифонических романов Достоевского.

Список использованных источников

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – Москва-Augsburg: im Werden-Verlag, 2002. – 167 с.
2. Виппер Ю. Б. Два шедевра французской прозы XVIII века // А.Ф. Прево. История кавалера де Грие и Манон Леско; Шодерло де Лакло. Опасные связи. – М.: Правда, 1985. – С. 5 – 23.
3. Гриб В.Р. Избранные работы. – М.: Гослит, 1956. – 416 с.
4. Золотухина О.Б. Психологизм в литературе: пособие. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 177 с.
5. Кожин В. В. Роман – эпос нового времени // Теория литературы. Роды и жанры литературы. – М.: Наука, 1964. – С. 97–172.
6. Ленин В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции // В.И. Ленин. О литературе и искусстве. – Изд. 6-е. – М.: Худ. лит, 1979. – С. 221–225.
7. Прево А. История кавалера де Грие и Манон Леско; Шодерло де Лакло. Опасные связи. – М.: Правда, 1985. – С. 27–145.
8. Силин В. В. Поэтика театрального макродиалога // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова / под. Ред. Б.В. Орехова. – Уфа, Вагант, 2011. – с. 293–304.